

УДК 32+303

«Исторический» и «ретроспективный» методы современного политического исследования: проблемы использования

Н. И. Шестов

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nikshestov@mail.ru

Публикация посвящена анализу проблем, связанных с применением «исторического» и «ретроспективного» методов в политическом исследовании. Выделены уровни таких проблем. На первом уровне эти проблемы возникают по следам попыток политологов ориентироваться в применении данных методов на свою интуицию. Проблемы второго уровня – это проблемы использования наиболее доступных сегодня начинающим исследователям определений «исторического» и «ретроспективного» методов, связанные с противоречивостью содержания и некорректностью формулировок таких определений. Третий уровень – это проблемы достижения политологом органичности связи «исторического» либо «ретроспективного» метода с общей стратегией, линейной или циклической, политического исследования.

Ключевые слова: методы политического исследования, исторический метод, ретроспективный метод.

“Historical” and “Retrospective” Methods of Modern Political Research: Problems of Applying

N. I. Shestov

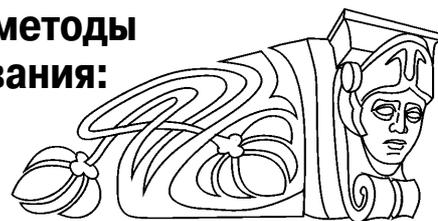
Nikolay I. Shestov, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, nikshestov@mail.ru

The article is about analysis of problems connected to applying “historical” and “retrospective” methods used in political science research. Levels of such problems are indicated. On the first level, these problems appear in the wake of political scientists’ attempts to use intuition while using those methods. The second level problems imply using definitions of “historical” and “retrospective” methods which are the most comprehensible for young scholars and relate to ambiguity and inaccuracy of the terms. The third level problems deal with the difficulties of achieving an organic link of “historical” or “retrospective” method to the general strategy, be it lineal or cyclic, of political science research.

Keywords: methods of political research, historical method, retrospective method.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-203-211>

Первое положение, обоснованию которого посвящена настоящая публикация, состоит в том, что применение «исторического» и «ретроспективного» методов в политологических текстах, включающих в свою структуру характеристики прошлых состояний практической политики и политической мысли и нацеленных на

поиск связей между ними, имеет свою специфику. Оно, это применение, отличается от того, как эти методы могли бы быть представлены в научных текстах, например, историка или философа.

Второе положение состоит в том, что специфика эта обусловлена связью между выбором политолога в пользу применения в своем исследовании «исторического», либо «ретроспективного» метода, либо их комбинации и его приверженностью линейному или циклическому подходу к изучению прошлого политики и политической мысли.

В отечественной политологии так сложилось, что подробная характеристика методологии конкретного исследования является обязательной для авторов научно-квалификационных работ и заявок на различные научные гранты. От политологов, которые в текущем режиме (в виде статей, например) публикуют результаты своей исследовательской работы, развернутого обоснования выбора в пользу тех или иных научных методов обычно не требуется. Часто не требуется даже как такового упоминания об использовании автором статьи конкретного метода или методов.

В этом есть своя логика. Набор методов, используемых в отечественной политологии, относительно невелик. Он, по большей части, хорошо известен специалистам. Научная квалификация, если она достаточна, позволяет политологу в определении теоретической основы своего исследования доверять интуиции, а также ориентироваться на опыт выбора и применения методов своими коллегами, работающими в одном с ним научном направлении, рассчитывать на понимание с их стороны. В принципе, требовать, чтобы политолог, особенно прикладник, каждый раз по малейшему случаю погружался бы в теоретическую рефлексию, наверное, неразумно. Работа над научными методами одних специалистов-теоретиков для того и нужна, чтобы другие специалисты-прикладники могли воспользоваться ее готовыми плодами – то есть выбрать из наличного ряда теоретических разработок именно те, которые оптимально обеспечивают ему решение соответствующих научных задач.

Все это так. Вместе с тем, как бы исследователь ни доверял своему опыту и интуиции в выборе и применении методов, как бы он ни рассчитывал на понимание со стороны коллег и на возможность для себя двигаться в проторенном ими русле методологии политической науки, есть

вопрос, обойти который вниманием добросовестному исследователю невозможно. Ответ на этот вопрос определяет меру способности исследователя к самокритике, к самостоятельной оценке качества проведенной им научной работы раньше, чем она будет вынесена на суд экспертов.

Интуиция и научный опыт хороши, когда политологу из множества вариантов, представленных в научных и справочных ресурсах, нужно выбрать определение метода, наиболее подходящее к научным задачам, поставленным им перед собой. Тут политолог может ориентироваться на четкость и емкость отдельных формулировок, на свое владение философским дискурсом и даже на свои эстетические пристрастия. Он может в то же время ориентироваться на свое ощущение «естественности» использования им того или иного научного метода применительно к решению научной задачи. Действительно, если объектом и предметом изучения служит, например, «политическая система», то что может выглядеть более естественным, чем применение политологом для ее изучения «системного метода»? Допустим, что политолога интересует проблема структурирования и функционирования политических институтов в упомянутой политической системе. Тогда естественным, как интуиция подсказывает политологу, выглядит использование им «институционального» и «структурно-функционального» методов и т. д.

Но интуиция и соображения «естественности» применения того или иного метода помочь могут не всегда. Как быть политологу в ситуации, когда в одном исследовании ему необходимо, например, объединить изучение становления в прошлом теории российского федерализма с изучением истории федеративных государственных институтов и управленческих практик? Эта задача из разряда тех, что практически постоянно приходится решать политологам в странах, у которых, как у России, богатая и сложная история политической жизни и не менее богатый опыт ее теоретического осмысления. Политологу с вузовским образованием не надо даже подключать интуицию, чтобы сообразить, что там, где речь идет об изучении «истории» чего-либо, уместным будет применение или «исторического метода», или «ретроспективного метода», или их обоих вместе.

Но тут возникает ряд вопросов. Исследователь будет вынужден задать их себе, если намерен контролировать свой творческий процесс, а не действовать по принципу «куда кривая вывезет».

Какое, например, понятие (а вместе с ним и метод, для которого данное понятие является системообразующим) более всего соответствует тем задачам, которые политологи ставят перед собой, когда изучают наследие политической мысли: «история» или «ретроспектива»? Какое из этих двух понятий способно обеспечить максимальное отличие ракурса, в котором прошлое

отношений государства и общества, а также идейного обоснования таких отношений изучает профессиональный историк или же профессиональный философ, от ракурса, в котором все это может и должен изучать профессиональный политолог? А когда речь идет об изучении им исторического опыта политических управленческих практик или политических конфликтов, то какое понятие и какой метод из двух возможных уместно использовать? Может быть, с другой стороны, наибольший позитивный результат даст одновременное включение в методологию политического исследования, соединяющего изучение политической мысли с изучением политических практик, обоих методов? Но не будут ли эти методы друг друга дублировать? А если будут, то не скажется ли это на конечном научном результате?

Естественно, что в одной небольшой публикации невозможно дать исчерпывающий ответ на все эти вопросы. Для достойного качества политических исследований будет неплохо, если в окончательном варианте ответы на них каждый раз политолог будет давать сам, в меру своей научной добросовестности и подготовленности. Есть, вместе с тем, некоторые общие «точки отсчета», которыми, как представляется, специалисту с любым уровнем профессиональной подготовки не стоит пренебрегать при осуществлении своего методологического выбора.

Одна такая «точка отсчета» – это противоречивость определений «исторического» и «ретроспективного» методов, которые наиболее доступны сегодня политологу, начинающему, в первую очередь. Такие определения предлагает, например, Интернет – самый популярный на сегодняшний день источник знаний о теоретических основах разнообразных исследовательских практик. Разобраться с этими определениями политологу необходимо для того, чтобы принять решение относительно собственного понимания «сфер компетенции» упомянутых методов, оптимально эти сферы разграничить так, чтобы один метод дополнял другой, а не дублировал. Особенно необходимой такую работу делает то обстоятельство, что оба метода исследователи используют давно, широко (в разных науках), и числятся у них эти методы по разряду общенаучных методов. То есть изначально предполагается, что у этих методов очень широкие «сферы компетенции» в самых разных науках¹. И даже в пределах одной науки вероятно, что «сферы компетенции» данных методов могут друг друга перекрывать.

Как современные информационные ресурсы предлагают понимать смысл и предназначение «исторического метода»? Подчеркнем, что речь идет об «историческом методе» именно как об общенаучном теоретическом инструменте, а не принадлежности одной только исторической науки. Сравним определения «исторического

метода» на предмет наличия либо отсутствия в них формулировок, которые требуют от политолога самостоятельной оценки научного потенциала этих методов. Одно определение, например, гласит, что «исторический метод» – это «...способ изучения **сущности и содержания природных** и социальных объектов, когда **существенное** внимание уделяется **длительности и скорости** их формирования и развития, **степени влияния** на динамику изучаемых объектов **внутренних закономерностей и внешних условий** существования (“среды”). Применяется там и тогда, когда **скорость изменения свойств объекта** является достаточно важной с точки зрения практических интересов человека (астрономия, космология, геология, история общества и др.). Адекватное использование исторического метода предполагает наличие такой **шкалы времени**, которая опиралась бы на устойчивые **естественные ритмы самой природы**...»². О том же, но короче, сообщает другое определение. «Исторический метод», согласно ему – это «... способ изучения **сущности и содержания природных** и социальных объектов, когда основное внимание уделяется формированию, развитию и динамике изучаемых объектов. В основе метода лежит историзм – принцип научного познания, являющийся методологическим выражением **саморазвития** действительности...»³. В еще одном определении политологу можно прочесть, что «исторический метод» – это метод «...позволяющий получить представление об **эмпирической** (т. е. связанной с опытами над ним. – Н. Ш.) истории объекта»⁴.

Наиболее вероятный вывод, к которому знакомство с такими определениями может привести политолога, тот, что «исторический метод», в принципе, плохо подходит для решения задач политического и вообще гуманитарного исследования. Во-первых, потому, что «изучением сущности природных объектов» занимаются сегодня науки точные и естественные, а не гуманитарные. Представители точных и естественных наук создают для нужд своей исследовательской работы различные «шкалы времени» и со своих методологических позиций обосновывают их связь с «естественными ритмами природы». Для политолога больший интерес представляют не «ритмы природы», а «ритмы политики».

Во-вторых: раз речь идет об изучении процессов развития в прошлом политических практик и политической мысли, изучение «длительности» этих процессов для политолога представляет интерес. Такое знание «длительностей» помогает ему в построении периодизаций упомянутых процессов. Что может дать политической науке и практике изучение того, с какой «скоростью» в прошлом происходило развитие политического процесса и насколько с ней совпадала скорость движения политической мысли? На нынешнем этапе развития политической науки этот

вопрос представляется открытым. Очевидно, например, что в прошлом развитие процессов могло идти с одной скоростью и менее синхронно, сегодня оно идет с другой скоростью и более синхронно. То и другое состояние политики будет определяться не характеристиками физических пространства и времени, а совокупностью культурных и экономических факторов, вызовами государству и обществу извне и изнутри пространства, в котором они функционируют.

В-третьих: политика и политическая мысль в особенности не являются процессами «саморазвития». Уже потому то и другое являются теми «инструментами культуры», посредством которых в последние четыре тысячелетия своего существования (если считать от момента появления первых политий на Земле) человечество создает, воспроизводит и обустроивает «цивилизацию». То есть самостоятельную по отношению к остальной природе среду своего существования, развитие которой не является «саморазвитием». Инструменты эти меняются не сами по себе, а в соответствии с теми задачами, для решения которых в разное время их применяли люди. Сегодня, как и в прошлом, политику и политическую мысль целенаправленно формируют и изменяют конкретные люди, общественные группы и элиты, руководствуясь своими частными, общественными и элитарными интересами к ней и представлениями о ней. Иногда эти интересы и представления не вполне рациональны и не в достаточной мере осознаны людьми. Но, тем не менее, это та субъективная реальность, аналогов которой в саморазвивающейся природе нет. Момент стихийности тоже присутствует в политических практиках больше, в политических теориях меньше. Но политологи, в большинстве своем и за исключением постмодернистов, не считают его тем основанием, по которому можно судить о характере политики вообще и о ключевых тенденциях ее развития в частности. О политике в прошлом и настоящем политологи больше предпочитают судить как раз по степени способности ее основных акторов сделать ее рационально организованной и технологично управляемой.

В-четвертых: политика является той человеческой практикой, в которой экспериментирование не то чтобы не очень полезно, а часто просто недопустимо по этическим и прагматическим соображениям. Интересно было бы, например, поэкспериментировать с революциями или другими социальными конфликтами ради повышения точности наших знаний об их причинах и свойствах. Но что-то, а именно здравый смысл и гражданская ответственность, будут удерживать современного исследователя политики от попыток этот интерес удовлетворить.

Во всех трех определениях не учтен один принципиальный момент. Он не слишком важен для представителя точных или естественных

наук, если он использует общенаучный «исторический метод», но для гуманитариев он в этом случае важен. Применение «исторического метода» в гуманитарном исследовании, политическом в том числе, оправданно там и тогда, где и когда предметом изучения является «история». То есть процесс создания, воспроизводства и настройки людьми из поколения в поколение тех «инструментов культуры», посредством которых эти люди стремятся обеспечить стабильное функционирование (а лучше прогресс) своей «цивилизации», ее конкурентоспособность по отношению к иным «цивилизациям». А раз речь идет о разнообразных, но весьма конкретных «инструментах», каждый из которых находит своих тоже разных и тоже конкретных пользователей, то применение «исторического метода» в научном исследовании целесообразно там, где для исследователя важными являются именно детали. От свойств конкретных деталей зависит возможность исследователя соединить эти детали в один процесс так, чтобы это соединение выглядело органичным, а значит, понятным и правдоподобным.

Сходные проблемы возникают у политолога при ознакомлении с определениями «ретроспективного метода». Одни такие определения обозначают «сферу компетенции» этого метода в научном исследовании предельно узко, другие, напротив, максимально широко. «Ретроспективный метод – разъясняет, например, одно определение, – заключается в последовательном проникновении в прошлое с целью выявления **причин событий**»⁵. Другого назначения, согласно этому определению, у «ретроспективного метода» нет. Чем в таком случае этот метод отличается от метода «каузального», предназначением которого являются как раз выявление причинно-следственных связей событий, прогнозирование их дальнейшего хода, этого создатели данного определения не объясняют.

Другое определение дает чуть более широкую трактовку «сферы компетенции» данного метода. «Сущность метода <...> заключается в том, чтобы **изучать прошлое по более поздним ступеням его развития**, по остаткам от этого прошлого в материальной и духовной культуре последующего времени. Метод предполагает **поиск причин** того или другого явления **в их следствиях** <...> **ретроспективный метод или метод возвратного анализа заключается в реконструкции старого по остаткам последнего** в последующем или в настоящем»⁶.

«Изучение прошлого по более поздним ступеням его развития» у профессиональных историков называется модернизаторством прошлого и ими в большинстве своем не приветствуется. Прошлое познаваемо «из себя самого», давно говорят историки⁷. Эту его познаваемость определяет не формальная сопоставимость прошлого с настоящим, не само по себе наличие в настоящем

«остатков» прошлого. Все зависит от способности исследователя задать историческим источникам такие вопросы, ответы на которые сделали бы это прошлое понятным для современного человека. Данное определение ориентирует политолога на то, что его главная задача – «реконструировать по остаткам» прошлое политики и политической мысли, а не понять его.

У современной политической науки, кроме того, есть собственный проблемный опыт увлечения характеристиками и оценками прошлого политики и политической мысли, отталкивающимися от их нынешнего состояния в странах либеральной демократии и рыночной экономики. Когда либерально настроенные политологи 90-х гг. прошлого века объясняли гражданам России естественность и необходимость радикальных либерально-демократических реформ, то обычно они сопоставляли досоветское и советское (чаще всего сталинское) политическое, экономическое и культурное прошлое нашей страны с настоящим днем западных либеральных демократий. С теми условиями, которые они сегодня создают для существования «обществ потребления» в Западной Европе и Северной Америке. Вопрос научной некорректности такого сравнения снимался рассуждениями публицистов и ученых в том духе, что это, дескать, не сравнение прошлого российского политического опыта с нынешним европейским, а это его сравнение с «мировым стандартом» политики, с «магистральной дорогой прогресса человечества».

Следствием увлечения отечественных политологов такого рода «сравнениями» своего прошлого с чужим настоящим стало то, что сегодня прошлое отечественной политики и политической мысли политологи изучают, отталкиваясь в основном от суждений и оценок отечественных же профессиональных историков. Нынешнее же состояние политики и политической мысли они изучают преимущественно в русле тех теорий и оценок, которые были позаимствованы отечественной политологией у западных коллег. При такой рассогласованности методологии трудно появиться целостному взгляду политолога на динамику и специфику процесса развития в России политической практики и теории. И определение, рекомендуемое политологу «изучать прошлое по более поздним ступеням его развития», консервирует эту проблему на уровне самой методологии политического исследования. Кстати, «реконструкция старого по остаткам последнего» как прежде имела, так и сегодня имеет свое собственное название в качестве самостоятельного метода – «метод реконструкции».

Еще одну загадку представляют собой рекомендации по использованию «ретроспективного метода», которые политологу дает «Ступодопедия»: «**Историческое познание является ретроспективным** (от лат. *retro* – назад и *specio* – смотрю) в том смысле, что оно обращено к

тому, как развивались события **в реальности – от причины к следствию. Историк же идет от следствия к причине**, это правило познания действует в любом случае без исключения»⁸. Как может «историческое познание» двигаться в одном направлении, а сознание историка, это самое историческое познание осуществляющего, в другом направлении, этого авторы определения своим пользователям не объясняют.

Другое определение имеет более высокий уровень детализации: «Ретроспективный метод или метод ретроспекции можно назвать методом **целостного видения прошлого...**»⁹. Далее определение разъясняет, в чем, собственно, состоит упомянутая «целостность». И разъяснение оставляет больше вопросов, чем дает ответов: «Метод **включает как анализ, так и синтез** <...> Ключевыми характеристиками данного метода можно назвать: во-первых, реконструирование <...> **идеального образа процесса**, опирающегося, тем не менее, на фактическую реальность; во-вторых, **объективное дистанцирование**, предусматривающее своеобразное **видение процесса с двух встречных позиций – с конца к началу и наоборот**; в-третьих, целостность восприятия, предполагающую постоянное **оперирование целостным образом реконструируемого процесса**, позволяющее погрузиться в «**ткань**» процесса... Это необходимо для **выделения внутренней линии развертывания процесса**, для проникновения в его **внутренние закономерности**... Таким образом, **научная абстракция, создающая идеальный образ исследуемого процесса**, – необходимый прием для реализации ретроспективного метода...»¹⁰

Во-первых, «анализ» и «синтез» были и остаются вполне самостоятельными общенаучными методами исследования. Такими же, в принципе, самостоятельными методами являются и «метод абстракций», и метод выделения «идеальных типов», еще в начале минувшего века предложенный М. Вебером. Во-вторых, из определения не понятно, как исследователь может «погрузиться в ткань процесса», т. е. в те существенные детали, на основании соединения которых он может проследить «внутреннюю линию развертывания» и «закономерности» процесса, отталкиваясь от научной абстракции? Иначе говоря, от того, что является весьма условным отражением того, что имеет место в реальности.

Продолжение определения приходит в противоречие с первоначальной заявкой его авторов и публикаторов, что сущность метода в том, что «мы **смотрим в прошлое**»¹¹. Теперь, по их мнению, сущность метода определяет возможность для ученого, изучающего какой-либо процесс или временной отрезок процесса, реализовать: «**взгляд из любой точки внутри этого отрезка в обе стороны: как “вперед” к следующему моменту или конечному, готовому результату, так и “назад” к исходному или предшеству-**

ющему моменту»¹². По смыслу данной формулировки выходит, что «ретроспективный метод» на самом деле никакой не «ретроспективный», а «ретроспективно-перспективный». А поскольку точку отсчета для построения ретроспективы и перспективы исследователь волен выбирать сам, то недостаточно убедительными выглядят уверения авторов определения, что метод обеспечивает исследователю, его применяющему в таком варианте, максимум объективности («объективное дистанцирование»).

Более того, дальше авторы определения предлагают такие характеристики смысла и назначения «ретроспективного» метода, которые позволяют политологу отождествить его с другими, хорошо известными ему методами: «Мысль исследователя вынуждена постоянно совершать одновременно **несколько кругов сопоставления, анализа, синтеза**, при этом **круги накладываются друг на друга** (т. е. ни о каком взгляде исследователя, направленном в прошлое, говорить не приходится. – Н. Ш.), что способствует взаимопроверке выдвигаемых положений, но, в свою очередь, это приводит к прояснению **внутренних взаимосвязей** («системный метод». – Н. Ш.) изучаемого процесса становления, его **движущих сил** («факторный анализ». – Н. Ш.), выявлению тех **постепенных приращений и преобразований** («эволюционный метод». – Н. Ш.), которые наполняют процесс. Это позволяет понять сложность, многоаспектность процесса, увидеть его **уникальность и закономерность** («сравнительно-исторический метод». – Н. Ш.)¹³.

Весь этот набор свойств, присущих, по представлению авторов определения, исключительно «ретроспективному методу», приводит их к заключению: «Ретроспективный метод изначально опирается на объективность в восприятии исследуемой реальности, да и **сама эта реальность не есть продукт волевых действий множества обладающих сознанием индивидов**»¹⁴. Политологу, таким образом, остается догадываться, насколько общенаучным является общенаучный ретроспективный метод, если он не применим в сфере гуманитарного знания. А также у него есть повод поразмышлять, насколько такой метод вообще ему нужен для проведения исследования политики и политической мысли, которые в значительной мере представляют собой во все времена «продукт волевых действий множества обладающих сознанием индивидов».

Надо отдать должное авторам определения, они оставили в нем отдушину для гуманитариев: «...**ретроспективный метод рассматривает различные факты, в том числе и исторические, но с естественнонаучных позиций, а потом использует их в реконструируемой модели опять в роли исторических фактов** <...> Можно видеть, что **ретроспективный метод родственен историческому** <...> Метод ретроспективного синтеза **значительно отличается**

от рассмотренных структурно-генетического, системного и исторического методов, имея в то же время с ними некоторое сходство»¹⁵.

Для полноты картины необходимо упомянуть о существовании определений, отождествляющих «ретроспективный метод» с «методом моделирования». Одно из них гласит: **«Метод исторического моделирования называют еще ретроспективным <...> Суть метода заключается в “ретросказании”, т.е. в движении мысли исследователя от современности к прошлому. Идя от настоящего к прошлому, исследователь имеет возможность рассмотреть различные стадии явлений (тут уместно вспомнить о существовании «метода периодизации». – Н. Ш.). Следовательно, глубже вникнуть в суть изучаемых процессов (а это уже ближе к «феноменологическому методу». – Н. Ш.), позже раскрыть их содержание. <...> когда идет речь о ретроспективном методе, то в это понятие вкладывается более конкретное значение: он рассматривается как способ получения выводных знаний о явлениях прошлого («логический метод». – Н. Ш.)¹⁶.**

Вторая «точка отсчета» – это неоднозначность современных представлений политологов о том, что есть политика и политическая мысль в качестве предмета политического исследования. Иначе говоря, при помощи какой теоретической модели можно наиболее адекватно описать их структурные и динамические свойства и, отталкиваясь от них, понять их смысл и значение уже для современной политической теории и практики?

В отечественной политологии сегодня используются две такие теоретические модели – линейная и циклическая. Модели – принципиально разные по смыслу. Разные они и по тем научным задачам, которые политолог потенциально способен решить с их помощью. Обе они являются своего рода «косями» (иногда самостоятельными, иногда пересекающимися), вокруг которых выстраивается методология политического исследования, подбираются методы и для каждого из них определяется ряд научных задач для решения. Работоспособность такой методологии прямо зависит от того, насколько смысл и функциональность отдельных методов, подобранных политологом для методологии своего исследования, а также всех их вместе, согласуются со спецификой той или другой модели.

Линейная модель подразумевает, что политический процесс и процесс политической мысли, вместе со всеми другими процессами в природе и обществе, движутся в физическом пространстве и времени от некоторого условного своего «начала» к такому же условному «концу». Поскольку представления о сущности политики у политологов были и остаются разными, то условным «началом» политического процесса большинство из них соглашаются *de facto* считать появление в обществе конфликтов по пово-

ду власти, а также государства, которое вводит такие конфликты в управляемое правовыми и административными способами русло. Дополнительные сложности с определением «начала» политики создает то, что понимание сущности «государства» у отечественных политологов тоже довольно разное. Легче решается задача определения «начала» всего процесса движения политической мысли или отдельных его этапов такого движения. Все в этом случае зависит от того, какой самый ранний источник политической мысли дошел до нас в том состоянии, при котором возможно и практически целесообразно его изучение. Такой источник и символизирует «начало» политической мысли как предмета научного исследования.

Сторонниками линейного подхода к изучению политических и политико-культурных процессов задача установления «конца» этих процессов решается обычно несколько проще. На протяжении последних трех столетий для исследователей (консерваторов, либералов, социалистов, анархистов, а в нынешнем веке еще и глобалистов с антиглобалистами) «концом» политики и политической мысли было такое идеальное, с их научной и идеологической точки зрения, состояние того и другого, двигаться дальше которого для общества и элит лишено смысла. В одних случаях «концом» является текущее состояние политики и политической мысли, в других – более или менее отдаленное «светлое» будущее.

При всех различиях последователям линейного подхода свойственно убеждение в том, что «начало» и «конец» практической политики, а вместе с ней и политической мысли, объективны. Они, иначе говоря, существуют в реальности, даже если у нас недостает знаний о настоящем и прошлом политических практики и теории для того, чтобы о них достоверно судить. Они, как «альфа» и «омега», определяют смысл и программу развития политических теории и практики. И все эти точки, в принципе, всегда могут быть (не сегодня, так завтра) четко локализованы в физическом пространстве и времени. За «начала» и «концы» сторонники линейного подхода принимают более или менее значимые политические события и явления (например, войны, создание и распад государств, общественные конфликты, рождение и смерть политических мыслителей и т. д.).

Свой взгляд на практическую политику и политическую мысль, их «начала» и «концы» у сторонников использования для их изучения «теорий циклов». Теории «циклов» появлялись в разное время и в рамках разных наук. Они тоже очень разные и по тому, какой смысл их создатели вкладывали в понятие «цикл», и по тому, какие критерии считали оптимальными для выделения циклов разного масштаба и уровня¹⁷.

Одни циклические представления о политике имеют некоторые сходства с линейными

представлениями о ней. Сходство возникает тогда, когда исследователи политики соединяют отдельные циклы в «спираль развития». Естественно, что у такой «спирали развития» непременно должен быть некий вектор, обозначающий, откуда и в каком направлении эта «спираль развития» достраивается теоретиками. В этом случае циклическая модель политического процесса фактически представляет собой структурно усложненный вариант все той же линейной модели.

Другие сторонники взгляда на политику как смену циклов убеждены, что циклы не складываются ни в какую «спираль развития», их движение нельзя привязать к какому-либо вектору, обращенному из современности в прошлое или наоборот. Они считают, что «циклы» как бы вырастают один из другого, они (когда раз за разом одни и те же, в сущности, основные субъекты политики решают сходные политические задачи) наслаиваются в пространстве и времени друг на друга. Расширяется или сужается пространство политического действия, возрастает или падает интенсивность отношений этих субъектов. Самих субъектов становится то больше, то меньше, у них появляются новые политические интересы и исчезают прежние. Потому и связи между ними изначально не могут быть охарактеризованы в категориях линейности, как причинно-следственные связи, например. Эти структурные и функциональные изменения внутри циклически организованного политического процесса «циклисты» считают обычно принципиально более важными для понимания его сути, чем выяснение вопроса наличия у этого процесса «начала» и «конца». Когда речь идет о формировании исследователем циклической картины политики, то он волен сам, исходя из соображений удобства работы с этой картиной и восприятия ее публикой, определять для различных циклов условные «начала» и «концы». Он волен в одном случае использовать для этого даты исторических событий, известные этой публике, а в другом – точно так же хорошо известные ей тенденции в развитии кризисов и конфликтов. Суть дела такое творчество исследователей не меняет. Для циклической модели описания политики важен вопрос организации политического процесса, а не его «начала», «конца» или же вектора развития.

Каким образом все эти сложности с определением «начал» и «концов» политики и политической мысли способны повлиять на выбор политолога в пользу использования «исторического» либо «ретроспективного» метода, либо их комбинации?

Если политолог по своему профессиональному мировоззрению является «циклистом», то использование им для изучения политического процесса понятия «ретроспектива» и «ретроспективного метода» будет с этим мировоззрением конфликтовать в значительно большей

мере, чем использование понятия «история» и «исторического метода». Понятия «история» и «исторический метод», если говорить об их применении именно для нужд политического исследования, более органичны взгляду на практическую политику и политическую мысль как циклически развивающиеся процессы.

Существуют разные переводы на русский язык латинского термина *retrospectare*¹⁸. Многое в переводе зависит от того, для приложения к изучению какой именно социокультурной практики (литературной, художественной, правовой и т. д.) исследователь осуществляет такой перевод. Вместе с тем общим для всех переводов является тот смысл понятия «ретроспектива», который максимально точно можно передать следующим предложением. Это «взгляд назад» исследователя прошлого. Взгляд из точки, обозначающей «конец», на точку, обозначающую «начало».

Именно «взгляд», т. е. построение мыслью политолога некоего «вектора». Он направлен из точки, в которой он себя позиционирует в качестве наблюдателя за прошлым политики и политической мысли (точки «конца») в точку «начала». В ту исходную точку процесса, в которой, как надеется политолог, приверженный линейному взгляду на процесс развития политических практик, в концентрированном виде представлена вся сущность процесса и вся программа его разворачивания в историческом пространстве и времени – то, что можно назвать «идеей» процесса. Руководствуясь такой «идеей», политолог, являющийся сторонником линейного взгляда на историю политических практик и мыслей, решает принципиально важную для него задачу – изучать процесс их изменения в прошлом с точки зрения его собственной, внутренней логики развития, не уклоняясь в выяснение и обсуждение деталей. Деталей, которые наверняка интересны и важны для профессионального историка, важны и обществу для осознания масштаба и ценности собственного исторического опыта, но которые, тем не менее, не являются ключом к пониманию современного состояния политических теории и практики.

Определения «истории» и «исторического метода», как видно из примеров, приведенных выше, тоже разнообразны и тоже имеют привязку к тем областям современного научного знания, где «исторический метод» востребован. Тем не менее, в большинстве своем они подразумевают, что если мы изучаем прошлое политических практики и теории как «историю», то не только и не столько для того, чтобы свести «концы» с «началами». И даже не только для того, чтобы понять сквозную логику развития конкретной практики или конкретной мысли. Смысл изучения прошлого как «истории» – в получении людьми сегодня максимально полного, детализированного знания о нем, знания, в силу своей полноты и детальности, максимально до-

стоверного («как оно было на самом деле»). Настолько полного и достоверного, что для любого субъекта современной политики оно может быть ресурсом решения его разнообразных задач.

«Исторический метод», каким бы разнообразным ни было его понимание современными теоретиками, больше согласуется с намерением политолога изучать прошлое политики и политической мысли циклически. Исследователю, чтобы опознать в этих процессах циклы, структурировать их и расположить такие циклы в определенной системе, детали важнее «начал» и «концов». Важны именно отдельные факты из прошлого политики и политических идей, детализированные связи между ними, позволяющие каждый такой факт и каждую такую связь положить, как кирпичик, в конструируемую исследователем структуру цикла, какой он ее видит.

Исследователи-«циклисты», как и сторонники линейного взгляда на политические практики, считают циклы развития политики и политической мысли объективной реальностью. Но им также свойственно представление, что структурировать отдельные циклы и расположить их в системе можно по-разному. Многое тут зависит от желания и способности исследователя уловить в изучаемых им процессах некие наиболее существенные события и связи, сделать их историческими и политическими фактами, т. е. дать им объяснение с точки зрения своих представлений об истории и потребностях современной политики. И именно их затем, как кирпичики, поместить в моделируемую структуру отдельного цикла либо всей циклической последовательности развития сферы политики.

Иначе говоря, циклическое понимание политологом динамики политических теории и практики делает актуальными для него именно максимально конкретное и детализированное знание о прошлом. Именно оно, такое знание, в сознании большинства современных людей со средним и высшим образованием, включая профессиональных политологов и даже многих профессиональных историков, отождествляется с функцией исторической науки и со смыслом применения ею «исторического метода» как универсального способа реконструкции прошлого таким, каким оно «было на самом деле»¹⁹. Чем точнее согласно такому представлению политолог воспроизвел в своем научном тексте обстоятельства развития в прошлом политики и политической мысли, тем больше у него оснований говорить о своем выборе для методологии своего исследования и о применении в нем «исторического метода», а также настаивать, что применение этого метода позволило ему создать максимально достоверную картину циклического развития политических практик и идей.

Попытка политолога соединить «исторический» и «ретроспективный» методы в методологии одного конкретного политического исследо-

вания не выглядит оптимальным решением вне зависимости от того, какого взгляда на динамику политики и политической мысли он придерживается. Политологу придется в этом случае дополнительно решать задачу организации научного текста. Ему нужно будет строить свой научный текст так, чтобы в нем действительно просматривалось применение обоих методов, а не какого-то одного из них. Политологу придется действовать вопреки той естественной логике, которая будет побуждать его связывать циклический взгляд на политику преимущественно с «историческим методом», а линейный взгляд на нее – преимущественно с «ретроспективным методом».

Преодолеть эту естественную логику можно. Но что это даст для повышения качества результатов работы политолога? Ничто, в принципе, не мешает ему приложить дополнительные усилия и немного усложнить структуру своего научного текста, а именно – каждый предмет, которого он в этом тексте касается, рассматривать сразу в двух ракурсах: и как начало, и как конец чего-то, и как нечто такое, что постоянно присутствует в политическом процессе и актуализируется в нем с определенной циклическостью. Но тогда ему придется продумать и то, как свести эти два ракурса воедино в своих выводах и оценках упомянутых процессов. Результатом может стать непоследовательность политолога в своих выводах и оценках.

Исследователи, которые изучают историю политической мысли саму по себе, не стремятся связать ее с практиками обществ и элит определенного времени, находятся в более выгодном положении. Они решают проблему совмещения в одном политическом исследовании «исторического» и «ретроспективного» методов простым и оригинальным способом. Суть способа в том, что исследователи помещают картину циклических изменений внутрь картины линейных изменений в изучаемом ими процессе. Построение линейной картины процесса движения политической мысли им обеспечивает история жизни и творчества конкретного мыслителя или группы теоретиков, высказавших некогда те или иные мысли по поводу политики. У жизни этой есть те начало и конец, причем в большинстве случаев совсем не условные, благодаря которым можно осуществить ретроспективное исследование соответствующего творческого процесса.

Внутри этой линейно построенной картины исследователи политической мысли помещают другую картину – свое описание того, как цикл за циклом усилиями своего создателя и его идейных последователей теоретическое суждение о политике совершенствовалось, становилось точнее и приближеннее к потребностям современной политики, как, иначе говоря, цикл за циклом происходило прогрессирование политической идеи.

Этот же способ, в принципе, может быть применен и при изучении политических практик, властных например. В тех случаях, когда у исследователя есть возможность изучать такие практики через призму жизненного пути конкретного политика или же группы лиц, облеченных властью. В тех случаях, когда самостоятельным объектом и предметом изучения являются, например, «опричная политика Ивана IV», «петровские реформы» или же «сталинские репрессии». Если же политолог намерен упомянутые этапы российской политики расположить в линейной или же циклической последовательности, то ему придется вместо соединения методов выбирать из них тот, «ретроспективный» или «исторический», который больше подходит к задаче изучения этих последовательностей.

Самый, наверное, главный вывод, к которому подводит анализ связей между особенностями профессионального мировоззрения политолога и условиями его рационального выбора в пользу «исторического» либо «ретроспективного» метода, состоит в следующем. Выберет ли политолог один из упомянутых методов осознанно или интуитивно, само по себе не сделает его исследовательские усилия более или менее добросовестными, а результат таких усилий более достоверным. Просто у политолога, осуществившего такой методологический выбор осознанно, появляется дополнительная возможность аргументированно объяснить себе самому и своим коллегам-критикам то, в какой конкретно мере достоверность результатов его творческой работы не случайна. А это особенно важно при написании политологами научно-квалификационных работ и научной экспертизе этих работ на предмет новизны, достоверности результатов, обоснованности авторских выводов и рекомендаций.

Примечания

- ¹ См.: Французова Н. П. Исторический метод в научном познании. М. : Мысль, 1972.
- ² Исторический метод // *Философия науки : Словарь основных терминов*. М. : Академический Проект. С. А. Лебедев. 2004. URL: https://philosophy_of_science.academic.ru/126/ИСТОРИЧЕСКИЙ_МЕТОД (дата обращения: 10.01.2019).

- ³ *Философия науки и техники : тематический словарь*. Орел : ОГУ. С. И. Некрасов, Н. А. Некрасова. 2010. URL: https://science_philosophy.academic.ru/ (дата обращения: 10.01.2019).
- ⁴ *Исторический метод // Исследовательская деятельность. Словарь*. М. : УЦ «Перспектива». Е. А. Шашенкова. 2010. URL: https://research_activities.academic.ru/685/Исторический_метод (дата обращения: 10.01.2019).
- ⁵ Что такое история как наука? URL: <https://studfiles.net/preview/5776958/> (дата обращения: 20.02.2019).
- ⁶ Исторические методы в историческом научном исследовании. URL: <https://megalektsii.ru/s37560t4.html> (дата обращения: 20.02.2019).
- ⁷ См.: Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%91/blok-mark/apologiya-istorii-ili-remeslo-istorika> (дата обращения: 24.02.2019).
- ⁸ Ретроспективный метод. URL: https://studopedia.ru/4_172320_glava—retrospektivniy-metod.html (дата обращения: 12.02.2019).
- ⁹ Метод ретроспекции и его объяснительные возможности. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3855 (дата обращения: 12.02.2019).
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Метод исторического моделирования (ретроспективный). URL: <https://mydocx.ru/8—48294.html> (дата обращения: 12.02.2019).
- ¹⁷ См.: Шестов Н. И., Логинов А. В. Применение концепции политического цикла с использованием синергетического подхода // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 43–49.
- ¹⁸ См.: Ретроспектива. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/274633> (дата обращения: 10.01.2019).
- ¹⁹ Исторический метод (ENG historical method) – средства, используемые историками для изучения и интерпретации текстов источников. Они также применимы для интерпретации библейских текстов // *Вестминстерский словарь теологических терминов*. М. : Республика ; Мак-Ким Дональд К., 2004. URL: <https://teology.academic.ru> (дата обращения: 18.02.2019).

Образец для цитирования:

Шестов Н. И. «Исторический» и «ретроспективный» методы современного политического исследования: проблемы использования // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 203–211. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-203-211>

Cite this article as:

Shestov N. I. “Historical” and “Retrospective” Methods of Modern Political Research: Problems of Applying. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 203–211 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-203-211>